

Dobre i złe sąsiedztwa

Od konfliktu
do współistnienia i współpracy

Tom 1
Bliscy i dalecy sąsiedzi

Redakcja naukowa
Katarzyna Grysińska-Jarmuła i Teresa Maresz

Dobre i złe sąsiedztwa

Od konfliktu do współistnienia i współpracy

Tom 1 *Bliscy i dalecy sąsiedzi*

Redakcja naukowa
Katarzyna Grysińska-Jarmuła i Teresa Maresz

Bydgoszcz 2017

Komitet Redakcyjny
Jarosław Burczyk (przewodniczący)
Zygmunt Babiński, Grzegorz Domek, Grzegorz Kłosowski
Bernard Mendlik, Piotr Siuda, Małgorzata Święcicka
Ewa Zwolińska, Ireneusz Skowron (sekretarz)

Recenzent
Ewa Bujwid-Kurek

Redaktor
Ligia Podgórska

Projekt okładki
Tadeusz Meszko

Opracowanie typograficzne
ArtStudio | Anna Mreła

© Copyright by Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz 2017

© Copyright by redaktorzy naukowci monografii i autorzy tekstów

Utwór nie może być powielany i rozpowszechniany w całości ani we fragmentach
bez pisemnej zgody posiadacza praw autorskich

ISBN 978-83-8018-154-0

Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego
(Członek Polskiej Izby Książki)
Redakcja: 85-092 Bydgoszcz, ul. Ogińskiego 16
tel. 52 32 36 729, e-mail: wydaw@ukw.edu.pl
<http://www.wydawnictwo.ukw.edu.pl>
Rozpowszechnianie tel. 52 32 36 730, e-mail: jarno@ukw.edu.pl
Druk: Drukarnia Cyfrowa UKW
tel. 52 32 36 702, e-mail: poligrafia@ukw.edu.pl
Poz. 1757. Ark. wyd. 20

Этноконфессиональная ситуация и межэтнические взаимоотношения на Полесье в 1919–1939 гг.

Согласно Рижскому мирному договору 18 марта 1921 г. в состав Польского государства была включена западная часть Полесья. Брестский, Дрогичинский, Кобринский, Коссовский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский, Столинский поветы вместе с населенными украинцами Камень-Каширским и Сарненским поветами вошли в Полесское воеводство. Данное административно-территориальное образование являлось отсталым аграрным регионом, которое не имело индустриальной базы, социально-культурной и школьной инфраструктуры, надлежащего уровня транспортных коммуникаций. К тому же этот регион понёс огромные материальные и демографические потери в годы Первой мировой и советско-польской войн.

В составе межвоенного Польского государства Полесское воеводство выделялось пёстрой этноконфессиональной структурой населения. Согласно официальным результатам переписи населения 1921 г., в Полесском воеводстве большинство составляли белорусы (42,6%), поляков было 24,3%, украинцев – 17,7%, евреев – 10,4%, других – 5%¹. В марте 1925 г. наибольшее присутствие поляков наблюдалось в Брестском повете (22 953 человека, в том числе в Бресте-над-Бугом – 11 481), Пружанском (10 886), Пинском (8105, в том числе в Пинске – 3276), Лунинецком (7337), Кобринском (3970), Коссовском (3164), Дрогичинском (2323), Столинском (1181)². Специфическим был конфессиональный состав населения Полесского воеводства, где большинство (76,5%) составляли православные (1931 г.)³.

---

¹ *Rocznik statystyczny*, Warszawa 1924, s. 12-14.

² Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф. 67, Командование корпуса округа № 9, оп. 1, д. 601, Сведения о количестве польского населения в Полесском воеводстве (1935 г.), л. 2-6.

³ E. Mironowicz, S. Tokć, R. Radzik, *Zmiana struktury narodowościowej na pograniczu polsko-białoruskim w XX wieku*, Białystok 2005, s. 43.

Действовали также католические, униатские, неопротестантские, иудейские общины.

Воеводские власти пытались учитывать особенности этноконфессиональной структуры населения при разработке и реализации своей практической деятельности. Один из региональных проектов предложил в феврале 1923 г. полесский воевода Станислав Довнарвич⁴. Изложенные в нём мероприятия в области строительства и благоустройства, аграрных отношений требовали значительных капиталовложений, но позволили бы ускорить процесс полонизации Полесья для преобразования его в «новый главный ключ для господства на востоке». Для этого предусматривалось изменить административные границы Полесского воеводства, обезопасить его от белорусизации с севера и украинизации с юга, создать сплоченную местную администрацию, которая «имеет высокое осознание задач и наделена значительной властью», наладить сотрудничество римско-католической и православной церкви с правительством «в интересах польской государственной идеи», развернуть напряженную, целенаправленную инвестиционную политику, восстановить и расширить города, осуществить их полонизацию, упорядочить хозяйственные отношения местного сельского населения, провести систематическую, плановую польскую колонизацию⁵. В ближайшей перспективе Полесье должно было стать регионом доминирования польского влияния, буфером между белорусскими и украинскими землями. Проект С. Довнарвича, который рассматривался как часть концептуальных подходов правительства В. Сикорского по регионализации национальной политики, модифицировался последующими воеводами, к концу межвоенного времени признавался самым оптимальным для решения национальных проблем в регионе⁶. Однако на практике реализовать его не удалось.

С установлением в 1926 г. режима «санации» Ю. Пилсудского отдельные планы регионализации полесского региона не разрабатывались. Хотя Полесье трактовалось в качестве территориально-административной единицы, лишённой как белорусского, так и украинского этнического контекста, однако действия местных властей до начала 1930-х гг.

⁴ Archiwum Akt Nowych (dalej: AAN), z. 9/1, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (1918-1939), sygnatura 938, Zarys programu pracy i prac publicznych na Polesiu wojewody poleskiego S. Downarowicza (1923), k. 1-18.

⁵ Ibidem, k. 5-6.

⁶ W. Śleszyński, *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*, Warszawa 2007, s. 172; В. Сляшыньскі, *Нацыянальная палітыка польскіх улад на землях Усходняй Літвы і Заходняй Беларусі*, «Беларускі гістарычны часопіс» 2006, № 9, С. 11.

не отличались от тех, что осуществлялись в соседних северо-восточных воеводствах (Новогрудском, Виленском, Белостокском).

Результаты переписи населения 1931 г. показали, что полонизация на территории Полесского воеводства была незначительной. В Брестском повете из общего числа жителей польский язык в качестве родного был указан у 24,3% (53 508 человек, из них в Бресте-над-Бугом – 22 250, т.е. 44,2% жителей города), Пружанском – 18 740 (17,1%), Лунинецком – 28 805 (15,6%), Кобринском – 9905 (8,7%), Коссовском – 8283 (9,9%), Дрогичинском – 7016 (7,2%), Столинском – 18 292 (14,6%). В Пинске польскоязычных было 22,3% (7217 человек). Всего в Полесском воеводстве насчитывалось 166 332 человека (14,7% всех жителей), у которых родным языком отмечен польский⁷. Одновременно там зафиксировано более 707 тыс. (68,2%) полешуков («тутейших»)⁸. С польской стороны (особенно воеводской администрации) их часто рассматривали в качестве территориально-диалектной группы польского этноса. Украинские деятели (преимущественно из Галиции) безапелляционно заявляли о принадлежности Полесья к украинской этнической территории, а «тутейших» признавали не иначе, как украинцев.

Несмотря на свою немногочисленность, поляки находились в привилегированном социальном положении. По состоянию на 15 февраля 1932 г. в Полесском воеводстве среди 8204 представителей интеллигенции было 6196 поляков (75,5%), 799 евреев (9,8%), 787 русских (9,5%), 208 украинцев (2,5%), 214 белорусов (2,5%)⁹. По национальному составу среди 5120 чиновников местной государственной администрации и служащих органов самоуправления поляков было 4508 (88%), русских – 294 (5,8%), белорусов – 186 (3,6%), украинцев – 67 (1,3%), евреев – 65 (1,3%)¹⁰.

Поляки преобладали также среди крупных и средних землевладельцев. Накануне 1929 г. поляки составляли 65,2% собственников имений площадью более 50 га¹¹. В 1937 г. в восточных воеводствах численность военных колонистов достигла 9-9,1 тыс. человек, а вместе с гражданскими колонистами – 16,6 тыс. человек, из них в Полесском воеводстве – 12,6%¹².

⁷ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 9, д. 2253, Меморандум полесского воеводы об экономическом, общественно-политическом, культурном, национальном положении Полесья (1932 г.), л. 8; ф. 2, Брестское поветовое староство, оп. 1, д. 4968, Циркуляры Главного статистического управления и инструкции о проведении всеобщей переписи населения в 1931 г. (1931-1932 гг.), л. 79.

⁸ E. Mironowicz, S. Tokć, R. Radzik, op. cit., s. 42.

⁹ ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 2253, л. 23.

¹⁰ Ibidem, л. 28.

¹¹ J. Tomaszewski, *Z dziejów Polesia 1921-1939: zarys stosunków społeczno-ekonomicznych*, Warszawa 1963, s. 43.

¹² J. Stobniak-Smogoczewska, *Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945*, Warszawa 2003, s. 102, 103.

В начале 1930-х гг. были предприняты попытки оживления региональных подходов в решении проблем Полесья. В августе 1932 г. полесский воевода Ян Крахельский направил в министерство внутренних дел Польши отдельную докладную записку¹³. Среди наиболее важных проблем было затронуто расширение польской колонизации. Новая волна заселения Полесья польскими колонистами связывалась с проведением его мелиорации, протекционистской государственной финансовой политикой и др. Предполагалось увеличить в течение 10 лет среди местного населения польское присутствие прежде всего за счет «очень пассивного элемента» (непольского населения) в ходе его существенной полонизации. Только 3,8% населения (городские жители) было признано «польским элементом хорошего качества», хотя и оторванным от народных масс, а половина поляков, проживающих в сельской местности, причислена к полностью «пассивному» населению. Согласно оценкам Я. Крахельского, всего «активного польского элемента» на Полесье насчитывалось лишь 4-5%¹⁴. Расселение немногочисленных, распыленных групп колонистов было признано нерациональным. Польские помещики, владевшие огромными латифундиями, слабо участвовали в политической жизни, ограничивались отстаиванием только частновладельческих интересов. Польские купцы и ремесленники были малочисленной и слабой группой по сравнению с еврейскими торговцами и ремесленниками¹⁵. Немногочисленной и распыленной группой была польская интеллигенция. Слабоактивной признавалась мелкая (застенковая) шляхта Пинского, Столинского и других поветов, где «традиции польской шляхты ещё не погибли и могут послужить основой для возвращения к польскости»¹⁶. Военные колонисты признавались «сознательным польским элементом», который принимал активное участие в общественной жизни, но из-за распыленности, малочисленности и очень тяжелого материального положения не играл существенной роли¹⁷.

Представители лагеря пилсудчиков трактовали Полесье в этническом отношении как «самостоятельную территорию, где белорускость и украинскость были привнесенным, пришлым явлением», искусственно поддерживались коммунистами, белорусскими и украинскими организациями¹⁸. С приходом в 1932 г. к руководству Полесским воеводством Вацлава Костек-Биернацкого был взят курс на ускорение полонизации

¹³ ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 2253, л. 1-39.

¹⁴ Ibidem, л. 8.

¹⁵ Ibidem, л. 12.

¹⁶ Ibidem, л. 13.

¹⁷ Ibidem, л. 14.

¹⁸ P. Cichoracki, *Droga ku anatemie: Waclaw Kostek-Biernacki (1884-1957)*, Warszawa 2009, s. 264.

на его территории. Уже в первый год своего правления полесский воевода В. Костек-Бернацкий не только заявил о необходимости полонизации православной церкви, но и сделал ряд шагов в этом направлении: запрещено чиновникам принимать метрики о рождении, браке, смерти на русском языке; домогательство от духовенства польскоязычных проповедей; принуждение к введению григорианского календаря и др.

На наш взгляд, В. Костек-Бернацкий не смог предложить целостного «полесского проекта» по образцу реализованного в 1930-е гг. проекта волынского воеводы Генрика Юзевского, как об этом пишет П. Тихорацкий, признавая его условный характер¹⁹. Скорее можно говорить о наличии многочисленных, но разрозненных элементов похожей программы (проекта). Являясь сторонником радикального крыла лагеря пилсудчиков, В. Костек-Бернацкий решительно не принимал взгляды и действия «либералов», которые шли хотя бы на ограниченное сотрудничество с украинским или белорусским движениями (к ним принадлежал осуществляющий «волынский проект» Г. Юзевский).

Несмотря на предпринятые шаги, на протяжении межвоенного времени в Полесском воеводстве не произошли радикальные сдвиги в экономической жизни, социальной сфере, культуре и просвещении. Полесье по-прежнему оставалась исключительно отсталым сельскохозяйственным регионом. Полесская деревня, которая продолжала сохранять консервативно-патриархальный, архаический хозяйственный уклад, находилась на том же уровне, что ещё 50 лет до того имела деревня царской России²⁰. Оставалась нерешённой проблема неграмотности и малограмотности населения. В 1931 г. на Полесье неграмотные составляли ок. 35%. В городах этот показатель колебался от 12,6% (Брестский повет) до 30,4% (Столинский повет). Самой высокой была неграмотность в полесских деревнях – от 40% до 68%²¹. Темпы ликвидации неграмотности оставались медленными. В 1936 г. в Полесском воеводстве 53 тыс. детей школьного возраста (23%) не были охвачены обучением²². Для осуществления задачи всеобщего начального образования не хватало не только достаточно количества школ, но и квалифицированных педагогических кадров. Острой была нехватка учителей (из необходимых 4 235 работали только 2 350), школьных зданий (из 1 200 строений было 800 арендованных, из них 95% «не соответствовали даже скромным требованиям (малые, низкие, темные помещения в полесских домах, более 200 зданий ниже

¹⁹ Ibidem, s. 15.

²⁰ J. Tomaszewski, op. cit., s. 114.

²¹ *Polski stan posiadania na Polesiu, Brześć nad Bugiem 1939*, s. 32.

²² А. Вабішчэвіч, *Асвета ў Заходняй Беларусі (1921-1939 гг.)*, Брэст 2004, С. 98.

всяких требований, в которых дети и учителя губят здоровье»), жилья для учителей²³. Существующие польские школы затрудняли ученикам доступ к среднему и высшему образованию. В Полесском воеводстве в 1939 г. из 1075 начальных школ первой ступени было 811, второй – 170, третьей – только 94²⁴.

С середины 1930-х гг. и в Варшаве, и на воеводском уровне разрабатывались планы по ускорению колонизации Полесья, полонизации местного населения. В конце 1936 г. собственный план относительно полонизации Полесья предложило руководство IX Корпуса охраны пограничья. Предлагалось применять самые жесткие меры, вплоть до запрета деятельности и удаления нежелательных «единиц». Важное значение придавалось строительству школ. Предусматривалось кадровая чистка среди учителей, православного и католического клира Полесского и Новогрудского воеводств²⁵. Для осуществления полонизации планировалось привлечь все имеющиеся общественные и просветительские организации. Всё это проводилось в рамках поставленных перед школьной системой двумя основными задачами: «формирование у национально-несознательного полешука чувства принадлежности к польскому народу», отрыв детей и молодёжи от коммунистической пропаганды²⁶.

В феврале 1937 г. полесское воеводское управление предлагало в течение ближайших лет полностью ликвидировать «бесшкольные округа», расширить сеть школ, улучшить их материальное состояние, обеспечение учебными помещениями, жильём для учителей²⁷. Необходимо было втянуть в лоно польской культуры через школы, армию, общественные организации более чем 25 тыс. представителей мелкой (застенковой) шляхты²⁸. Особое внимание обращалось на колонизацию поляками городов Полесья:

Современные полесские города и местечки заселены ... преимущественно еврейским элементом и значительным процентом русских

²³ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 2, д. 3613, Доклад Товарищества развития восточных земель об экономических и культурных нуждах Полесья (1936 г.), л. 2-3.

²⁴ ГАБО, ф. 59, Попечительство Брестского (Полесского) школьного округа, оп. 2, д. 657, Отчёты директоров частных школ общего обучения Камень-Каширского, Бельского поватов, Пинска за 1932/1933 и 1935/1936 учебные годы, л. 3-4.

²⁵ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 10, д. 832, Предложения командования корпуса округа № 9 по вопросам подъёма общественно-политической, экономической жизни и культурного уровня населения Полесья (1936 г.), л. 4.

²⁶ *Wychować lojalnych obywateli – polityka oświatowa państwa polskiego na Polesiu*, wstęp i oprac. nauk. A. Smolarczyk, W. Śleszyński, A. Włodarczyk, Kraków-Białystok 2016, s. 24.

²⁷ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 8, д. 1656, Предложения полесского воеводы о мерах по повышению образовательного уровня населения «восточных кресов», религии, колонизации Полесья и по другим вопросам (1933-1938 гг.), л. 14-19.

²⁸ *Ibidem*, л. 21.

и русифицированных полешуков. Польский элемент в городах и местечках – это почти исключительно чиновники и государственные служащие²⁹.

На съезде служащих сельскохозяйственного аппарата Полесского воеводства 16 апреля 1937 г. требовалось запретить продажу земли православным, представителям непольского населения.

Лояльный полешук или тутейший – это поляк. Тот, кто указывает в декларации национальность белорус, украинец или еврей, не может купить землю³⁰.

Чиновникам государственной администрации, органов самоуправления предписывалось использовать в отношениях с местным населением только польский язык. Не допускались проповеди в православных храмах на белорусском или украинском языках, а только по-польски. В исключительных случаях можно было использовать русский язык или местные диалекты.

Полесье так отдалено от русской культуры, что проповедь на русском языке не принесет вреда³¹.

На одной из конференций чиновников воеводских управлений и руководителей Корпусов охраны пограничья (24 апреля 1937 г.) были высказаны очередные предложения по усилению полонизации. Предлагалось в ходе осуществления колонизации создавать соответствующие центры распространения польской культуры³². Отрицательно относились к православному духовенству. «Попы – это вредный элемент, с которым не стоит считаться»³³.

13 октября 1937 г. полесский воевода В. Костек-Бернацкий заявил о том, что Полесье должно быть польским, несмотря на местный говор и вероисповедание огромного большинства жителей, и приказал поветовым старостам считать местное население польским³⁴. На заседании поветовых старост 25-26 января 1938 г. среди главных задач внутренней

²⁹ Ibidem, л. 19.

³⁰ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 10, д. 1436, Месячные отчёты полесского воеводы о деятельности польских и других легальных политических партий, общественных организаций; протоколы совещаний поветовых старост Полесского воеводства; списки польских политических партий и общественных организаций (1938 г.), л. 303об.

³¹ Ibidem, л. 304об.

³² ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 8, д. 1091, Протоколы конференции воевод и командиров корпусов по вопросу национальной политики и ревизии Пинского следственного отдела государственной безопасности (1932-1938 гг.), л. 8.

³³ Ibidem, л. 6.

³⁴ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 6, д. 2608, Циркуляры и распоряжения Министерства сельского хозяйства и др. (1935-1939 гг.), л. 30, 30об.

политики Польского государства наряду с проблемой обороноспособности страны указывалась полонизация полесского региона. «Полесье должно быть охвачено польской культурой, а всё население Полесья до сих пор в абсолютном большинстве национально неосознанное (за исключением евреев), предназначено для польскости, чтобы вскоре стать польским»³⁵. 5 апреля 1938 г. полесский воевода разослал всем органам местного управления негласное указание о принципах проведения ими национальной политики в отношении жителей Полесья. «Полешуков, которые не признают себя положительно украинцами, белорусами или русскими, надо признавать поляками, несмотря на вероисповедание и народный говор»³⁶. Одновременно обращалось внимание на недопустимость пренебрежительного отношения со стороны польских властей к лояльному непольскому населению:

К полешукам и другим гражданам, спокойным, что тянутся к польской культуре или пассивных к этому, нужно относиться с полной благосклонностью. Не надо к ним обращаться на «ты» или как-то унижать (...). Надо всегда понимать их народные говоры, однако говорить с ними, как и с другими, только по-польски³⁷.

В одном из номеров «Газеты полесской» за 1938 г. был изложен «Полесский политический декалог», который фактически представлял тезисы практической деятельности В. Костек-Бернацкого: Полесье – это часть Польши; полешук – это поляк православного вероисповедания; православная церковь должна быть польской; польский язык является единственным официальным языком; коммунистическое движение – это «зло», с которым нужно бороться; необходимо уничтожить «остатки насаждённой русской культуры»; белорусское и украинское движения угрожают целостности государства, польским национальным интересам; перенаселение нужно решать через допущение местных крестьян к торговле и ремеслу; необходимо обеспечить крестьян землей; введение равноправия местного населения и осадников³⁸.

Сохранявшаяся на Полесье в конце 1930-х гг. этноконфессиональная специфика не устраивала польскую администрацию, желающую

³⁵ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 10, д. 1436, Месячные отчёты полесского воеводы о деятельности польских и других легальных политических партий, общественных организаций; протоколы совещаний поветовых старост Полесского воеводства; списки польских политических партий и общественных организаций (1938 г.), л. 302об.

³⁶ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 8, д. 1089, Указания полесского воеводы органам самоуправления о принципах проведения ими национальной политики и др. (1938 г.), л. 1.

³⁷ Ibidem, л. 1-1об.

³⁸ С. Cichowicz, *Poleski dekalog polityczny*, „Gazeta Poleska” 1938, nr 13, s. 3-4.

усиления полонизации его населения. Правительственные круги признавали этот регион за территорию, которая подлежала интенсивной полонизации³⁹.

Православная масса на Полесье в политическом и национальном отношениях представляет собой ещё не сформированный элемент, пригодный вообще к государственной польской ассимиляции⁴⁰.

В январе 1939 г. в Полесском воеводстве православные составляли 77,76% жителей, католики латинского обряда – 11,36%, католики восточнославянского (византийского) обряда – 0,24%, иудеи – 9,33%⁴¹. Воеводские власти признавали, что православное население подвергается медленной полонизации⁴². Различные вопросы конфессиональной политики обсуждали на конференции в Варшаве 14 февраля 1939 г. В. Костек-Бернацкий признавал, что «угроза для Полесья исходила с юга в результате деятельности украинских миссионеров»⁴³. Несмотря на активность западноукраинских партий и организаций, особенно из Галиции, из-за противодействия воеводских и повтовых властей масштабная украинизация на Полесье не была допущена⁴⁴.

В подготовленной воеводском управлением в мае 1939 г. записке «Польское состояние владения на Полесье» для усиления польского влияния в регионе был предложен целый комплекс мер в различных областях⁴⁵. Признавалось, что:

необходимо постоянно усиливать процесс ассимиляции и полонизации, ибо другим путём численного перевеса польского элемента на этой территории не достичь⁴⁶.

Предлагались следующие меры в культурно-языковой сфере: видоизменение «кресовых законов» 1924 г. для упразднения права на использование белорусского и украинского языков; закрытие частной русской гимназии и начальной школы в Бресте-над-Бугом; недопущение на территорию воеводства украинских, белорусских, русских организаций;

³⁹ P. Cichoracki, *Województwo Poleskie 1921-1939: z dziejów politycznych*, Łomianki 2014, s. 434.

⁴⁰ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 10, д. 2305, Отчёты полесского и белостокского воевод об общем религиозном настроении на территории отмеченных воеводств, учётные карточки и характеристики политических взглядов и моральной устойчивости на православное духовенство (1933-1939 гг.), л. 32.

⁴¹ Ibidem, л. 30.

⁴² *Polski stan posiadania na Polesiu*, op. cit., s. 20.

⁴³ ГАБО, ф. 1, оп. 10, д. 2305, л. 31-37.

⁴⁴ А. Вабищевич, *Украинская общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность на Полесье в 1918-1939 годах*, «Белоруссия и Украина: история и культура», вып. 5, гл. ред. Б.Н. Флоря, Москва 2015, С. 299.

⁴⁵ *Polski stan posiadania na Polesiu*, op. cit., s. 81-110.

⁴⁶ Ibidem, s. 18.

удаление чиновников, учителей непольской принадлежности и замена их исключительно поляками или ополяченными полешуками⁴⁷. Предусматривался целый ряд мер по полонизации православной церкви. Планировалось ликвидировать неоуниатские центры, заменить у православных юлианский календарь на григорианский, создать православную семинарию, расширить и укрепить сеть начальных школ, библиотек, народных домов. Также предстояло скоординировать и унифицировать деятельность всех польских общественных организаций⁴⁸.

В соответствии с данной запиской в сельском хозяйстве и аграрных отношениях предлагалось ускорить ликвидацию чересполосицы, увеличить капиталовложения в мелиорацию, сохранять позиции поляков в землевладении и не допускать к нему представителей непольского населения. В городах и местечках экономические позиции принадлежали евреям. В Полесском воеводстве в 1939 г. в промышленности собственников-евреев и поляков было соответственно 59,6% и 23,7%, в торговле – 70,9% и 16,1%, в ремесле – 76,1% и 9,8%. Позиции местных полешуков были слабыми – соответственно 15,7%, 12,7%, 13,9%⁴⁹. Из 24229 объектов городской недвижимости в Полесском воеводстве в 1939 г. 16,3% принадлежало полякам, 46,2% – евреям, 36,2% – «тутейшим»⁵⁰. Большинство предложений в области кооперации было направлено на существенное ослабление позиций евреев в хозяйственной жизни: требовалось резко ограничить для них выдачу лицензий на деревообработку, торговлю скотом, рыбой, запретить торговлю зерном, монопольными товарами, заниматься автобусными перевозками, принудительно выкупать у них мельницы для последующей их передачи государством польским владельцам. Требовалось не выдавать субсидии и кредиты для еврейских беспроцентных касс, которые предстояло постепенно ликвидировать, закрывать еврейские хозяйственные, общественные организации и их учебные заведения. Предполагалось продолжать переселение польских купцов и ремесленников из западных земель Польши, выделять им долгосрочные кредиты, предоставлять налоговые льготы⁵¹. Ставились задачи по улучшению городской инфраструктуры, благоустройству городов, охране памятников, усилению польского влияния среди свободных профессий. Однако начавшаяся вскоре Вторая мировая война не позволила реализовать запланированное.

⁴⁷ Ibidem, s. 82-83.

⁴⁸ Ibidem, s. 84-85.

⁴⁹ Ibidem, s. 56.

⁵⁰ Ibidem, s. 63.

⁵¹ Ibidem, s. 85-88.

Колонизация Полесья так и осталась до сентября 1939 г. неразрешимой задачей для польских властей. Среди причин были как субъективные факторы – незаинтересованность, недооценка или даже намеренная позиция польских правительств, части польской общественности относительно сохранения полесского региона в качестве аграрно-патриархального анклава, социально-психологические мотивы (боязнь обострения национальных, конфессиональных антагонизмов из-за массового наплыва поляков⁵²), так и объективные (отрицательное предыдущее «наследие» – слабый уровень цивилизационного развития Полесья в составе Российской империи, негативные последствия военных разрушений к началу 1920-х гг., финансовые, материально-технические и организационные трудности, особенно вызванные воздействием мирового экономического кризиса и др.).

Социальные противоречия на Полесье во многом обусловили сложный характер межэтнических отношений.

...на Полесье (...) то разделение общества на два в основе отдельных, герметично изолированных, совместно не живущих и только связанных механически, чужих и враждебных общественных элементов – помещиков и крестьян – получили самые контрастные формы, наибольшую крайность, самый широкий размах и наиболее сильное выражение⁵³.

В условиях сохранения польского помещичьего землевладения большинство крестьян являлись безземельными и малоземельными. Например, в начале 1937 г. в Полесском воеводстве более 8,3 тыс. хозяйств (около 50 тыс. человек) имели менее 1 га земли, 13 тыс. хозяйств – 1-2 га (около 80 тыс. человек), 2-5 га – 60 тыс. хозяйств (245 тыс. человек), 6-50 га – 80 тыс. хозяйств⁵⁴. При такой диспропорции во владении земельной и другой собственностью в сознании преимущественно неимущего сельского населения Полесья польские помещики представлялись в качестве угнетателей и представителей господствующей нации. Крестьянско-средняцкое польское землевладение укреплялось за счет осадников, с которыми у местного сельского населения складывались довольно напряжённые отношения.

⁵² W. Śleszyński, *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego...*, op. cit., s. 240; W. Śleszyński, *Województwo Polesskie*, Kraków 2014, s. 288.

⁵³ J. Obrębski, *Polesie*, red. i wstęp A. Engelking, Warszawa 2007, s. 34.

⁵⁴ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 10, д. 1436, Месячные отчёты полесского воеводы о деятельности польских и других легальных политических партий, общественных организаций; протоколы совещаний повтовых старост Полесского воеводства; списки польских политических партий и общественных организаций (1938 г.), л. 318.

Этот конфликт проявляется тем сильнее, чем существует большая диспропорция между пауперизованным местным крестьянством и привилегированной экономической позицией осадников⁵⁵.

Ощутимое еврейское присутствие в социально-экономической жизни городов и местечек вызывало недовольство со стороны части их польского населения, проявление им антисемитских настроений, что отразилось на характере польско-еврейских отношений. При разработке планов по усилению колонизации во второй половине 1930-х гг. предусматривалось укрепить позиции поляков в городской местности.

В отличие от западных и центральных польских регионов, где польско-еврейская конфронтация приобрела острые формы, на Полесье польско-еврейские отношения можно назвать менее напряженными. Такой их характер был предопределен ведущими позициями евреев в торговле, ремесле, социально-культурной сфере в городах и местечках, реальной практикой сотрудничества с польскими властями – участием еврейских представителей в органах местного самоуправления в Бресте, Пинске и других городах, замкнутостью еврейской общины, относительной самодостаточностью еврейских общественных структур. На Полесье не было объективных предпосылок для антисемитских волнений. Характер взаимоотношений местного еврейского населения с другими этническими сообществами можно охарактеризовать как стабильный⁵⁶. Еврейская проблема на Полесье находилась в тени польско-белорусского (как и польско-украинского) конфликта. Хотя случаи бытового антисемитизма наблюдались со стороны местных полешуков, для которых евреи были чужими в культурном и религиозном плане, однако в целом отношения характеризовались позитивным сосуществованием и сотрудничеством⁵⁷. В условиях патриархальной полесской деревни евреи обеспечивали и поддерживали стабильный товарооборот.

Помещик представлял земли, власть, фамильные традиции и свой собственный аристократизм, крестьянин – труд и подданство, еврей – товар и деньги⁵⁸.

Дестабилизирующее влияние на положение евреев на Полесье оказало обострение социально-экономического положения (особенно под воздействием негативных последствий мирового экономического кризиса

⁵⁵ J. Obrębski, op. cit., s. 532.

⁵⁶ А. Wabiszczewicz, *Oświata i kultura Żydów na terytorium województwa poleskiego w latach 1921-1939*, „Kwartalnik Historii Żydów” 2007, nr 3, s. 293.

⁵⁷ А. Вабішчэвіч, *Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921-1939 гг.): праблемы перыядызацыі, тыпалогіі ўзаемаадносін*, «Веснік Брэсцкага ун-та. Сер. гуманіт. і грамад. навук» 2009, № 4, С. 117.

⁵⁸ J. Obrębski, op. cit., s. 83.

1929-1932 гг.), усиление антидемократических подходов в проведении правительственной национальной политики, антисемитская кампания правых польских сил, недовольство со стороны польской общественности тенденцией к этническому самосохранению евреев и др.

Избежать негативных последствий массовой антисемитской пропаганды не удалось. Один из еврейских погромов состоялся в Бресте 13 мая 1937 г., который имел огромный резонанс во всей Польше и за рубежом⁵⁹. Из 1500 еврейских магазинов и торговых лавочек потеряло 1200⁶⁰. Местная еврейская общественность боялась дальнейших антисемитских акций, которые могли лишить еврейских торговцев значительной части клиентов-христиан⁶¹. В октябре 1937 г. в Бресте в забастовке протеста против дискриминации евреев-студентов в польских ВУЗах участвовало только 7 еврейских промышленных предприятий (500 рабочих), несколько магазинов. Большинство местных еврейских предпринимателей опасалось, что данная акция протеста только навредит и усилит антисемитские настроения в городе⁶².

В межвоенной Польше польско-украинские отношения приобрели довольно острый характер. Однако польские власти постарались максимально ограничить украинское население Полесского воеводства, проживающего преимущественно в его южных поветах, от влияния западноукраинских партий и организаций (особенно Львовщины). Воеводская администрация исходила из того, что Полесье должно было стать барьером для распространения украинского влияния из Галиции и Волыни, своеобразным «клином» между западнобелорусским и западноукраинским национальными движениями. Польские власти опасались, что под влиянием украинских организаций «несознательные» полешуки будут украинизироваться. Развернутые на Полесье в начале 1930-х гг. польскими властями репрессии против украинского движения (товарищества «Просвита» и др.) привели к его организационному упадку.

Хотя в условиях усиления репрессивно-ограничительной практики со стороны польской администрации до сентября 1939 г. так и не смогла

⁵⁹ Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego (ŻIH), sygn. 347/5, W. Głodowski, *Spółczesność żydowska w Polsce w latach 1929-1935*, praca magisterska, Gdańsk 1976, k. 81-82; J. Tomaszewski, *Dwa dokumenty o pogromie w Brześciu*, „Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego” 1964, nr. 46, s. 58-64; J. Żyndul, *Zajścia antyżydowskie w Polsce w latach 1935-1937*, Warszawa 1994; W. Śleszyński, *Zajścia antyżydowskie w Brześciu nad Bugiem 13 V 1937 r.*, Białystok 2004.

⁶⁰ W. Śleszyński, *Województwo Poleskie*, op. cit., s. 94.

⁶¹ ГАБО, ф. 1, Полесское воеводское управление, оп. 10, д. 1196, Месячные отчёты полесского воеводы и поветовых старост о движении национальных меньшинств, отчёты о деятельности Института исследований национальных проблем и Комиссии научных исследований восточных земель (1936-1938 гг.), л. 65.

⁶² Ibidem, л. 70.

возродиться украинская организационная структура, но при помощи западноукраинских национал-демократических партий и организаций осуществлялась определенная работа на Полесье по украинизации местного населения, но в отличие от Галиции и Волыни она имела эпизодический характер. Западноукраинские национал-демократические партии и организации отстаивали идею создания независимой Украины, в пределы которой включали и Полесье, что вызывало негативную реакцию со стороны западнобелорусской интеллигенции⁶³.

Сложным было положение русских в межвоенной Польше. На это повлияла дискриминационная политика польских властей, нацеленная на национально-культурную ассимиляцию русских, ухудшение их социального положения, гнетущая морально-психологическая атмосфера, вызванная крушением Российской империи, развёртывание радикальных преобразований в Советской России, а потом в СССР. Негативное отношение полесского воеводы В. Костек-Бернацкого вытекало из его антисоветских взглядов, он «фактически ставил знак равенства между большевизмом и русскостью»⁶⁴.

На низовом уровне наблюдалось позитивное взаимодействие русских и украинцев. Однако на организационном уровне характер их отношений усложнялся. Идеи о «неделимой», «великой России», которых придерживались лидеры русских организаций до начала 1930-х гг., не находили одобрения со стороны украинской интеллигенции. Непризнание самостоятельности украинцев и белорусов со стороны русских монархистов также вносило раздор в отношения между этими восточнославянскими общностями.

В целом, социальные отношения оказывали доминирующее влияние на межэтнические отношения на Полесье, где так и не был решён аграрный вопрос, была слабой степень урбанизации, оставался высоким уровень неграмотности населения, неразвитой была логистическая, социально-культурная инфраструктура. Политика польских властей была направлена на унификацию полесского региона в общегосударственном масштабе, хотя предпринимались попытки введения некоторых элементов регионализации, а также на национально-культурную ассимиляцию и полонизации местного населения. Проводилась бескомпромиссная борьба против белорусского и украинского национальных движений. Под влиянием преимущественно нерешённых социальных проблем на Полесье сложился довольно напряжённый характер отношений между

⁶³ А. Вабішчэвіч, *Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921-1939 гг.)*, Брэст 2008, С. 231.

⁶⁴ P. Cichoracki, *Droga ku anatemie: Waclaw Kostek-Biernacki (1884-1957)*, op. cit., s. 289.

поляками (титულным и привилегированным этносом, но составляющим меньшинство) и восточнославянским населением (местными полешуками, которые рассматривались в качестве переходного типа к польскому этносу, белорусами, украинцами, русскими), а также евреями, но они не приобрели такого острого конфронтационного характера, как в других воеводствах межвоенной Польши.

Ehtnokonfessional situation and inter-ethnic relations in Polesie in 1919-1939

In Polesie province as part of the Polish state in the 1919-1939 in the ethnic structure of the population were poleshuki ("tuteyshie") (in 1931 – 68,7%), Belarusians, Poles, Jews, Ukrainians, Russian and other ethnic groups. Among Orthodox denominations prevailed (76,5% in 1931), but there were also Catholics, Uniates, neo-Protestants, Jews. Policy of the Polish authorities was aimed at the unification of Polesie, on polonization local population. Social relations have a dominant influence on the inter-ethnic relations. Relations between Poles (privileged position, but are a minority) and other ethnic groups were quite tense, but were not overly confrontational compared with other regions.